

Э.Я. БАТАЛОВ

Восхождение к политической науке

За много лет до начала горбачевской перестройки в солидном московском издательстве у автора этих строк состоялся любопытный разговор с редактором: «Вот Вы пишете "политология". Эта штука не пройдет. Надо или добавить "буржуазная", или выбросить это слово вообще».

С тех пор ситуация в стране и в науке претерпела радикальные изменения. Слова "политология", "политолог", "политологический" прочно вошли в наш лексикон. За последние десять с лишним лет положение в отечественном обществоведении изменилось, и сегодня мы вправе говорить о появлении в России *современной политической науки*, то есть того самого комплекса знаний, который на Западе именуют Political Science, Science Politique и т.п.

Надо сразу сказать, что восхождение к современной политической науке началось в нашей стране не с началом перестройки и тем более не после ее завершения. Существенный шаг в этом направлении был сделан дореволюционной российской политической мыслью, что признают ныне все серьезные исследователи. Тут можно вспомнить многих людей, в том числе и А. Стронина, автора любопытного труда "Политика как наука" (1872), и М. Острогорского, и Н. Бердяева, и И. Ильина. На родине они (в первую очередь те, кто оказался в эмиграции) были преданы забвению на долгие десятилетия. Но пришло время, и "слово" многих из них "отозвалось", как говорил Ф. Тютчев, в умах тех из россиян, кто понял, что продуктивное освоение опыта, накопленного западной политологией, невозможно без освоения национального опыта прошлого.

Советское обществоведение на протяжении своей истории пребывало в состоянии фактической самоизоляции от западного мира и западной ("буржуазной") науки, что самым пагубным образом сказалось на его развитии. И тем не менее стремление постичь истинный смысл политического, понять, что представляют собой силы, приводящие в движение реальную политическую машину, и как эта машина устроена, разбираться в тонкостях политического сознания и т.п. всегда присутствовало в советском обществоведении, пусть оно владело умами немногих и не декларировалось публично, а то и просто скрывалось.

Конечно, это стремление могло быть реализовано лишь частично, ибо идеи, не вписывавшиеся в ортодоксальный советский канон, либо подавлялись властями целенаправленно и жестоко, либо "сублимировались" во внешне безобидные превращенные формы. Но как только давление сверху хотя бы немного ослабевало, свободная мысль вырывалась из политических тисков.

В годы хрущевской "оттепели" был сделан первый шаг к признанию существования научно-политического знания как самостоятельной отрасли обществоведения. Созда-

на Советская ассоциация политических (государствоведческих) наук (САПН). Уже само это название говорит за себя. Во-первых, политические науки отождествлялись с науками государствоведческими, что неоправданно сужало их предметную сферу. Во-вторых, речь велась не о "политической науке", а о "политических науках", то есть автономный статус политической науки как таковой по существу отрицался¹. Правда, в конце 1970-х гг. из названия САПН было исключено слово "государствоведческих", но "политические науки" остались. И тем не менее это был шаг на пути признания политической науки самостоятельной отраслью знания со своим предметом, своим кругом проблем, своей методологией и методикой исследования. Новый шаг в этом направлении был сделан только в 1991 г., когда на свет появилась Российская ассоциация политической науки (РАПН), пришедшая на смену САПН.

За время существования последней в рамках Ассоциации и вне ее (прежде всего в институтах АН СССР) были подготовлены и опубликованы десятки работ по вопросам политики, которая нередко рассматривалась в сопряжении с теми или иными аспектами экономики, социологии и права². К середине 1970-х – началу 1980-х гг. относятся и первые серьезные попытки отечественных исследователей познакомить советского читателя с современной западной политической наукой и состоянием политического сознания западных стран [Бурлацкий, Галкин, 1974, 1985; Грацианский, 1975; Современное... 1960; Современная... 1982].

Надо ли пояснять, что авторы этих работ вынуждены были (как и все их коллеги) утверждать, что опираются на труды "классиков марксизма" и выступают с позиций "научного коммунизма"? Нередко это была только видимость, соблюдение ритуала, "отступное". Не случайно время от времени раздавались партийные окрики по адресу тех или иных обществоведов: партийные бонзы чувствовали, что монолит единомыслия (если он вообще когда-либо существовал) расколот, и скрытый плюрализм мнений стал характерной чертой советского обществоведения.

Думаю, есть все основания говорить о том, что к началу перестройки (потому она, собственно, и стала возможной) и в советском общественном сознании, в том числе сознании политическом, и в советском общественном сознании, включая его политическую составляющую, сформировался ряд позиций. Преобладали центристские, порой с некоторым креном влево или вправо, но были и радикальные — левые и правые. Одни звали назад, к И. Сталину, другие — тоже назад, но уже к В. Ленину, которого пытались представить (ссылаясь на нэп) чуть ли не как "рыночника" и гуманиста. Третьи, опираясь опять-таки на Ленина, на самом деле вдохновлялись идеалами западноевропейской социал-демократии и еврокоммунистов и ставили целью построение "социализма с человеческим лицом". Однако никто из них и представить не мог, что пройдет всего несколько лет — и социализм будет предан анафеме, а советское общество превратится в руины.

Можно отметить и небольшую группу открытых критиков советского режима, среди которых выделялись А. Солженицын, А. Сахаров, А. Амальрик и ряд их единомышленников. Не будучи, как правило, профессиональными обществоведами, они тем не менее выступали с работами (публиковавшимися либо в "самиздате", либо за рубежом, или, как тогда говорили, в "тамиздате"), в которых немалое внимание уделялось критическому анализу советской политической системы. Их работы³, идеи и позиции

¹ Стоит напомнить, что международный аналог САПН, созданный еще в 1949 г. при поддержке ЮНЕСКО, называется International Political Science Association – Международная ассоциация политических наук.

² Не могу не упомянуть хотя бы некоторых авторов, чьи работы пробуждали интерес к политическому знанию, способствовали повышению его авторитета и подготавливали "строительную площадку" под здание современной политической науки. Это Г. Арбатов (международные отношения), Ф. Бурлацкий (государство и право и др.), А. Бутенко (проблемы социализма), А. Галкин (социология политики), Ю. Красин (мировая политика).

³ См., например, сборник статей "Из-под глыб", опубликованный в 1974 г. в Париже издательством YMCA-PRESS. Среди его авторов – М. Агурский, Е. Барабанов, А. Солженицын, И. Шафаревич и др.

вызывали заметный интеллектуально-нравственный резонанс в среде интеллигенции и вместе с работами, идеями и позициями "прогрессивно мыслящих" советских обществоведов способствовали эрозии советского политического сознания, советского общественного строя и наступлению перестройки.

С начала перестройки и вплоть до наших дней отечественная политология прошла три этапа, совпадающие с тремя этапами российской истории последних двух десятилетий, какими они видятся автору этих строк. Можно сказать и по-другому: эволюция отечественной политологии в гораздо большей мере, нежели эволюция истории, философии, психологии, других социальных и гуманитарных дисциплин (включая многострадальную социологию) отражала изменение состояния российского общественнознания.

И дело тут не только в том, что по своему объекту и предмету политология ближе всего к политике. К началу перестройки названные дисциплины давно уже обрели научный статус и завоевали определенный авторитет. Им тоже, как показало время, предстояло пройти через очищающий и неизбежно опаляющий огонь критики (не всегда справедливой) и самокритики (не всегда искренней и последовательной), однако эти испытания не сравнить с тем, что выпало на долю формирующейся российской политологии. И хотя в содержательном плане она вела отсчет своей истории, как было отмечено, не с нуля, то в ряде других отношений начиналась едва ли не с "чистого листа".

Отечественная история второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. была окрашена в романтические тона. Это была уже не просто "оттепель". Впервые за все советские годы в стране повеяло духом *политической свободы*, которая, опьяняя умы интеллектуалов, рождала множество надежд и иллюзий. Казалось, стоит только разделаться с советским прошлым, проявить волю к радикальным преобразованиям, и новая Россия тут же станет вровень – по крайней мере в политическом отношении – с передовыми державами мира. Ну а за граница и в первую очередь США нам помогут: ведь мы теперь не враги, а партнеры, готовые учиться, учиться и учиться демократии. Слова "демократия" и "демократизация" становятся паролем времени и объектом пристального внимания со стороны политиков и политологов. Именно в эти годы открыто и широко заговорили о новой отрасли общественнознания, хотя никто не мог тогда точно сказать, каков предмет политологии и чем она отличается от политической науки.

Впервые за долгие годы на смену "подковерным схваткам" за власть (каковые, впрочем, не изжиты, да и не могут быть изжиты до конца) стала приходиться *публичная политика*. Впервые появилась возможность открыто говорить, писать и судить о ней на страницах газет, журналов, на митингах и в теледебатах. И впервые открылась перспектива серьезного исследования *политики (политического) как относительно автономного феномена* с имманентными ему признаками. Больше того, власть проявила готовность (совершенно не мыслимую до начала перестройки) конституировать политическую науку в качестве самостоятельной отрасли знания. В ноябре 1988 г. Государственный комитет СССР по науке и технике, руководствуясь решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятым в марте 1987 г., утвердил уточненную и дополненную номенклатуру специальностей научных работников, в которой (опять же впервые) предусматривалась специализация по политическим наукам ("политические науки", "теория и история политической науки", "политические институты и процессы", "политическая культура и идеология", "политические проблемы международных отношений и глобального развития") [Бюллетень... 1989, с. 18]. Это означало, что открывалась возможность для защиты по этой тематике кандидатских и докторских диссертаций и присвоения их авторам соответствующих степеней, что для становления и дальнейшего развития отечественной политической науки трудно переоценить.

Тогда же был сделан еще один шаг: в вузах страны ввели курс политологии. Вместе с другими новыми курсами ("Социально-политическая история XX века" и "Проблемы теории современного социализма") он был призван заменить "Историю КПСС" и "Научный коммунизм". Это был правильный шаг, ибо любая наука имеет перспективы на будущее лишь в том случае, если постоянно воспроизводит себя не только в повсе-

дневной практической деятельности общества, но и в теоретическом сознании новых поколений. Именно с помощью политологического образования можно было хотя бы частично решить ряд задач, способствующих становлению и развитию политической науки и утверждению основ либерально-демократической культуры в стране: познакомиться молодых россиян с достижениями мировой политической мысли и тем самым в какой-то степени преодолеть политико-культурный провинциализм, неизбежными жертвами которого были их отцы и деды; возвратиться к истинным истокам отечественной культуры, от которых советский человек был искусственно отсечен властями; научиться (скажем осторожнее: попробовать научиться) мыслить политически.

Еще одним шагом на пути к становлению в России политической науки стало распространение дотоле не известных у нас работ современных зарубежных мыслителей. "Не известных" по той простой причине, что их сочинения пылились в так называемых спецхранах. Больше того, даже писать о крупных западных обществоведах, если те не выражали симпатий к социализму и Советскому Союзу (Д. Бэлл, Г. Маркузе, К. Поппере или Р. Ароне) можно было лишь в критической тональности. Существовало даже целое направление: "критика буржуазной идеологии". Правда, критиковали по-разному. Были люди, рьяно выполнявшие заказ властей и пытавшиеся доказать, что западное обществоведение впало в маразм и не в состоянии предложить миру ничего нового и ценного. Но были и другие "критики". Они видели свою главную задачу в том, чтобы в той или иной форме ввести в научный оборот достижения западных общественных и гуманитарных наук, познакомить советского читателя с новыми идеями и концепциями, рождавшимися "по ту сторону" барьера, разделявшего мир на две части⁴. Встречавшиеся в работах этих критиков "разоблачительные" пассажи, которых невозможно было избежать (иначе просто не напечатают), носили ритуальный характер, и умный читатель прекрасно понимал, что на самом деле хочет сказать автор. Но эти публикации, конечно, не могли полностью компенсировать дефицит информации, порожденный запретами властей.

И вот теперь двери "темниц" распахнулись, и сочинения Р. Арона, Д. Бэлла, Р. Дарендорфа, Г. Маркузе, Ф. Хайека, Ю. Хабермаса и других известных представителей политической науки попали в руки тысяч читателей. И хотя некоторые из переводов этих работ были безупречны, знакомство с современной политологической классикой, без которого ни о какой политической науке не может идти речи, состоялось.

Одним словом, был создан неплохой задел для формирования отечественной политической науки. Но то был не более чем задел, способный, как подтверждала практика стран, на которые мы хотели равняться, принести плоды только при наличии необходимых предпосылок и условий – теоретико-методологических, культурных, экономических, организационных. А между тем в истории современной России наступил новый этап: на смену периоду романтических надежд и ожиданий пришло время политического отрезвления и вынужденной *переоценки ценностей*. К середине 1990-х гг. стало очевидным, что недавние расчеты на быстрое формирование гражданского общества, свободного рынка и построение демократического государства не имеют под собой реальных оснований; что либеральные ценности приживаются в России с трудом; что политические и экономические рекомендации западных советчиков плохо ложатся на российскую почву, а сам Запад не спешит признавать Москву в качестве равноправного партнера.

Это не могло не подталкивать и к пересмотру первоначальных представлений россиян о политической науке. Становилось очевидным, что, как и любая наука, это – достаточно строгая система знаний, серьезное овладение которой требует целенаправленных систематических усилий и времени и невозможно в отрыве от конкретной полити-

⁴ Не могу не назвать в этой связи имена двух ушедших от нас коллег, немало сделавших на ниве политологического и социологического просвещения, – Ю. Замошкина и Э. Араб-оглы.

ческой практики. Обнаружилось и другое: концепции и теории, составлявшие основу "современной политической науки" и являвшие собой, главным образом, кристаллизацию западного (либерально-демократического) опыта, не могут быть автоматически перенесены на российскую почву. Это касалось и политического участия, и партийного строительства, и формирования политической системы общества, и, конечно, его демократизации. Выяснялось, в частности, что созданная усилиями Г. О'Доннелла, Ф. Шмиттера и других западных исследователей теория демократического транзита страдает серьезными изъянами.

Публично это будет признано несколько позднее [Carothers, 2002], однако сомнения на сей счет стали высказываться на Западе уже в середине 1990-х гг. А с конца последнего десятилетия минувшего века в истории российского общества начался новый этап, который характеризуется повышением уровня его консолидации, усилением роли государства и едва ли не полным освобождением от иллюзий скорой вестернизации (включая либерализацию) России со всеми вытекающими последствиями.

Как это сказывается на развитии российской политологии и как оценивать состояние, в котором она ныне пребывает? Очевидно, не буду оригинальным, если назову его *двойственным*, и не вступлю в противоречие с самим собой, сказав, что эта двойственность в общем *естественна* для ее незрелого возраста, обстоятельств рождения и условий формирования и эволюции. Говоря образно, современная российская политология напоминает стакан, наполненный наполовину, о котором вполне можно сказать, что он и "полупустой", и "полуполный".

В самом деле, хотя на протяжении последней четверти века идут процессы интернационализации и глобализации политической науки, охватывающие теперь и Россию, наша страна занимает в мировом политологическом квазисообществе даже не периферийное, а *окраинное положение*. Можно сказать еще резче: мы для Запада – провинциалы, бедные родственники, которым при случае можно кое-что и подкинуть "на бедность" [Шестопал, 1999, с. 9], но спрос с которых невелик. Работы отечественных политологов в Америке и Европе практически не известны: их почти не переводят, на них очень редко ссылаются, их, как правило, не включают в списки литературы по тем сюжетам, которые более или менее активно разрабатываются российскими авторами.

Такое положение отчасти справедливо. У нас нет пока фигур, которых можно было бы – имея в виду их вклад в мировую политическую науку и влияние на ее развитие – поставить в один ряд с Г. Алмондом, Д. Бэллом, Р. Далем, К. Дойчем или Дж. Ролзом и Ю. Хабермасом. В России не появилось пока ни одного фундаментального исследования, способного конкурировать на равных, скажем, с "Гражданской культурой" Г. Алмонда и С. Вербы или "Теорией справедливости" Дж. Ролза.

Но есть и другая сторона дела. Наряду с работами корифеев на западный политологический рынок, выходящий далеко за пределы национальных границ, поступают сочинения авторов, с которыми наиболее продвинутые российские исследователи вполне смогли бы потягаться, пробейся они на этот рынок. Так ведь не пробиться! И "виноваты" тут не только западные конкуренты. "Виновато" наше безденежье (серьезные исследования, базирующиеся на солидной эмпирической основе, – вещь дорогостоящая). "Виновато" отсутствие грамотного маркетинга, способного создать автору необходимое "паблисити". "Виноват" языковой барьер, ибо на мировом политологическом рынке господствует английский язык, и на смену ему придет – в отдаленной перспективе, – судя по тенденциям мирового развития, отнюдь не язык И. Тургенева и Л. Толстого. "Виновато" наше неумение подавать свои идеи таким образом, чтобы ими могли заинтересоваться не только специалисты. (И поучиться тут можно не только у поп-политологов типа Ф. Фукуямы – типичного американского продукта талантливой "раскрутки", но и у Н. Бердяева или И. Ильина, которые, будучи глубокими мыслителями, умели выражать свои мысли понятным и изящным языком.) Словом, как ни печально, наше не-присутствие на мировом рынке политологической продукции отражает объективное

положение вещей. И изменение ситуации будет зависеть не только от конкурентов (а они уж постараются сохранить свои позиции), но и от нас самих.

Конечно, наше отставание от западной политологии связано со многими причинами. Есть среди них и причины культурно-организационные, о чем стоило бы сказать два слова. В России *пока еще не сложились научные школы*, если понимать под такими устойчивые направления в науке, характеризующиеся оригинальностью и единством основных взглядов их представителей на предмет исследования, общностью используемых теоретико-методологических принципов и, как правило, формирующиеся вокруг общепризнанного ученого-лидера. Такого рода констелляций не так уж много и в западной политической науке⁵. У нас же их нет пока вообще, что не удивительно: научные школы не создаются по заказу, для их становления требуются время и благоприятная среда. К тому же они редко складываются вне консолидированного научного сообщества. В России же консолидации политологического сообщества в национальном (да только ли в национальном?) масштабе пока не произошло. В отличие от зарубежных коллег, как, впрочем, и от отечественных философов, историков или психологов, у наших политологов отсутствует развитое профессиональное самосознание, чему немало "способствует" размытость и многозначность понятия "политология" и производных от него. Но об этом чуть позднее, а пока еще об одной проблеме – состоянии политологии как учебной дисциплины.

Хотя по сравнению с началом 1990-х гг., когда вузовских "политологов" приходилось рекрутировать из бывших преподавателей научного коммунизма, истории КПСС, философии, истории и т.д., положение явно улучшилось, в стране пока не хватает квалифицированных преподавателей политологии. Но еще большая, как мне кажется, проблема – учебники и учебные пособия. Речь идет не о количестве: книг под названием "Политология" издаются десятки, так что студенты порой теряются от такого "изобилия". С качеством дело обстоит значительно хуже. Как справедливо отмечалось, "потребность в новом уровне учебных пособий просто не воспринята в достаточной мере большинством наших авторов и тем более весьма слабо отражена даже в сравнительно новых книгах" [Учебники... 1999, с. 170]. С тех пор картина изменилась мало, хотя и появилось несколько книг, которые не стыдно рекомендовать студентам (см., например, [Категории... 2002]).

Справедливости ради надо заметить, что хороших учебников политологии не так много и на Западе. И сказано это не в оправдание нерадивых отечественных сочинителей, а в подтверждение давно известной истины: написать добротный учебник по общественным и гуманитарным наукам труднее, чем серьезную монографию – коллективную, а тем более индивидуальную. Тут требуется сочетание талантов популяризатора, исследователя и гражданина. Слова о гражданине – не оговорка, ибо равнодушный человек с холодным сердцем и безразличным отношением к происходящему вокруг никогда не напишет интересный, глубокий, полезный учебник по политологии.

Однако вернемся к вопросу о размытости понятия "политология" и производных от него. В нашей стране "политологом" могут назвать и человека, профессионально занимающегося политическими исследованиями в академическом институте; и университетского преподавателя, ограничивающегося чтением соответствующих учебных курсов; и эксперта, работающего в частном фонде и специализирующегося, скажем, на избирательных технологиях; и политического обозревателя газеты или журнала. Столь широкая и, как представляется, неудачная профессиональная идентификация и самоидентификация отражают реально сложившуюся ситуацию как в сфере общественнознания, так и в общественном сознании, когда под "политологией" по-

⁵ Классический пример – всемирно известная Чикагская школа (20–40-е гг. XX в.), обязанная своим появлением Ч. Мерриаму и воспитавшая целую плеяду блестящих исследователей во главе с Г. Лассуэлом. Пару страниц об этой школе читатель найдет в статье Г. Алмонда (см. [Almond, 1990]).

нимается обширный комплекс знаний и умений (навыков), включающий политическую экспертизу, политическую аналитику, политическое обучение и политическую науку. Границы между этими сферами размыты, хотя деятельность в рамках каждой из них характеризуется своей спецификой, требует разной подготовки и преследует разные цели. Да и воспринимаются эти амплуа по-разному. Известны случаи, когда серьезные исследователи из академических институтов просто стесняются называть себя "политологами", опасаясь, что их поставят в один ряд с "грязными пиарщиками".

Декретами такую ненормальную ситуацию не изменить, ибо это во многом болезнь роста. И кого именовать (если именовать вообще) "политологом", кого – "политическим аналитиком", кого – "политическим обозревателем", а кого – "политическим экспертом", может решить само общество⁶. Но при этом, как представляется, имело бы смысл уже сегодня договориться: *политическую науку* (включающую эмпирический и теоретический уровни и предполагающую проведение как фундаментальных, так и прикладных исследований) следует трактовать как *разновидность познавательной деятельности, направленную не на интерпретацию и оценку частных, конкретных политических ситуаций, а на постижение и экспликацию объективных, общезначимых, системных связей (закономерностей), характерных для политической сферы и политических аспектов реальности.*

В социальном плане политическая наука не имеет ценностных приоритетов по отношению ни к конкретной политической аналитике, ни к политической журналистике и экспертизе. Это один из функционально равноценных видов познавательной деятельности на ниве политики. Однако надо понимать, что без него другие виды политического познания и практики лишаются твердой опоры, повисают в воздухе, превращаются в секуляризованное шаманство или разновидность ремесла.

При этом сама политическая наука, как показывает опыт, способна выжить, а тем более развиваться лишь при условии ее одновременной поддержки изнутри, со стороны тех, кто посвятил ей жизнь, и извне – со стороны государства, бизнеса и общественности. Однако поддержка со стороны государства ни в коем случае не должна перерасти в установление государственного контроля над наукой. Это плохо для любой науки, а для науки политической – особенно.

Хотя российская политология продолжает пребывать в состоянии "догоняющего развития", расстояние между "Ахиллесом" и "черепашей" (вспомним знаменитую апорию Зенона) в последние годы сократилось и продолжает уменьшаться. При этом качество политической науки как ядра политологического комплекса в целом, на мой взгляд, повышается, а ее роль в рамках последнего – возрастает.

В подтверждение сказанного можно привести ряд свидетельств. Это в первую очередь формирование современной инфраструктуры политической науки⁷, рост численности дипломированных специалистов, в том числе кандидатов и докторов политичес-

⁶ В большинстве западных стран понятием "политология" не пользуются вообще. В США университетский профессор скажет, что он – political scientist и преподает political science. Сотрудник РЭНД корпорейшн скажет, что он – political analyst. Ну а на знаменитого Б. Вудворда из Washington Post и его собрата из другого аналогичного издания будут ссылаться не иначе, как на political observer или даже political reporter.

⁷ К настоящему времени в стране сложилась устойчивая сеть учреждений, специализирующихся на исследовании политики, политическом обучении и политической экспертизе. Это специализированные институты РАН (во главе с Институтом сравнительной политологии); специализированные центры в рамках отдельных институтов РАН (например, Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики и международных отношений или Центр геополитических исследований Института географии); внеакадемические исследовательские центры (Центр исследований постиндустриального общества и т.п.); различного рода фонды (типа Фонда ИНДЕМ); наконец, это вузовские кафедры политологии, многие из которых, правда, называются по-иному: кафедры "политической теории", "социологии и политологии", "философии и политологии", "сравнительной политологии", "политических наук", "теории и философии политики", "мировых политических процессов" а также "социологии политики", "политической психологии", "социологии международных отношений", "истории социально-политических учений" и т.д. Подобного рода профильная дифференциация воспроизводит во многом структуру учебных центров развитых стран и выглядит весьма перспективной.

ких наук, расширение сети периодических изданий политологического профиля, постоянный рост выпускаемых книг по данной тематике. Но главный индикатор прогресса в сфере политической науки – осуществляемое ныне на регулярной основе *расширенное воспроизводство научного знания о политике, отвечающего в общем и целом современным критериям и востребованного обществом*. Не менее существенное свидетельство – *устойчивый спрос на квалифицированную политическую и политологическую экспертизу* со стороны государственных и частных организаций и групп – политических и экономических, гражданских и военных, столичных и провинциальных.

Можно, таким образом, заключить, что к настоящему времени в России сложился устойчивый, хотя пока и невеликий по объему капитала и масштабам, *национальный рынок научной политологической информации*, без которого ни о какой современной политической науке не может быть и речи. Это, повторю, еще сравнительно узкий и в некоторых своих секторах слабо развитый рынок, еще не ставший частью соответствующего мирового рынка. Но он есть, и у него неплохие перспективы.

Но что за "товар" мы можем найти сегодня на российском политологическом рынке? И в какой мере соответствует он "товарной номенклатуре" мирового рынка? Напомню, что более полувека назад на знаменитом Парижском международном коллоквиуме, который "выписал путевку в жизнь" политической науке, было достигнуто принципиальное согласие относительно ее предмета, сферы, общих границ и основных направлений исследований. Предполагалось, что новая наука будет включать такие основные компоненты, как политическая теория (в том числе теория политики и история политических идей); публичные (государственные) институты (представляющие различные ветви и уровни политической власти); формы и методы политического участия граждан (в том числе политических партий, групп интересов, общественного мнения); международные отношения (международные организации и мировая политика) [Грацианский, 1975, с. 12].

В дальнейшем по мере развития политологического знания (в ответ на вызовы времени) происходило расширение сферы и границ политической науки, изменялись представления о ее объекте и предмете. Как верно отмечает А. Дегтярев, "на сегодняшний день можно смело констатировать, что политическая наука в силу процессов дифференциации и интеграции имеет чрезвычайно гетерогенный, разнородный характер, а в ее структуру входят десятки частных дисциплин, или субдисциплин (по разным оценкам и критериям, от 20 до 40), начиная от относительно традиционных – политической истории и географии и заканчивая такими новейшими областями, как политическая статистика и информатика, политическая экология и биополитика" [Дегтярев, 2000, с. 107].

Сложность структуры и богатство содержания современной политической науки подтверждает и авторитетное издание "Политическая наука: новые направления" (М., 1999). Его составители и авторы выделяют девять основных направлений, в рамках которых ведутся в последние годы политологические исследования. Это "научная дисциплина", "политические институты", "политическое поведение", "сравнительная политология", "международные отношения", "политическая теория", "социальная политика и управление", "политическая экономия", "политическая методология". По сути, здесь представлена конкретизация "парижской схемы", ее адаптация к новым условиям. Она, правда, не учитывает специфику развития политической науки за пределами Северной Америки, Западной Европы и Австралии. Но тем интереснее спроецировать эту "сетку" на Россию. И тут выясняется, что нет ни одного из обозначенных выше направлений, которому бы не было посвящено большее или меньшее число опубликованных в последние годы книг и статей. Другое дело – качество. Есть направления, в силу обстоятельств занимающие в отечественной политической науке периферийное положение, или, напротив, привлекающие особое внимание российских специалистов.

Это относится, в частности, к политической теории, точнее, к общей базовой теории политики, призванной раскрыть как основания последней, так и принципы, связывающие воедино частные политические теории (теории государства, теории демократии и т.д.). Интерес (на первый взгляд) тем более неожиданный, что ситуация, складывавшаяся в России с конца 1980-х гг., не благоприятствовала изысканиям в данной

области. Построению качественно новых теоретических конструкций препятствовало и отсутствие адекватной эмпирической базы. А накопление и осмысление нового опыта (как, впрочем, и серьезное переосмысление старого) требуют времени.

Не способствовал развитию теоретических исследований и российский "дикий капитализм". В условиях безудержной коммерциализации общественной жизни политология оказалась востребованной если не исключительно, то главным образом в качестве покорной *служанки политики*, которая призвана удовлетворить сиюминутные эгоистические потребности противоборствующих групп, а именно – предложить *эффективные прикладные политические технологии, открывающие немедленный доступ к власти, капиталу и ресурсам*.

Все это не могло не сказаться на характере работ, посвященных политической теории. Лучшие из них, вне всякого сомнения, сыграли позитивную роль хотя бы в том плане, что позволяли российскому читателю составить определенное представление о сущности, структуре, функциях политической теории [Дегтярев, 1998], о достижениях западных специалистов в этой области [Алексеева, 2001], о характере политического теоретизирования в современной России [Соловьев, 1998].

С исследованиями по политической философии – почти та же история. На первый взгляд, сам предмет позволяет авторам испытывать меньшую зависимость от ситуации, "абстрагируясь" от повседневной суеты и свободно погружаясь мыслью в глубины политического бытия. Но это только на первый взгляд. Как показывает пример такого гиганта, как Т. Гоббс, философ, рассуждающий о последних основаниях политики и границах ее познания, зависит от повседневности не меньше тех, кто увяз в политических интригах, и требуются поистине героические усилия, чтобы хоть частично преодолеть "притяжение" конъюнктуры.

Более значимым выглядит продвижение отечественной политической науки на тех направлениях, познавательный интерес к которым подогревался практико-политическими потребностями. Причем предвидение шло не только в области прикладных исследований, но и в ряде случаев в плане построения теорий среднего уровня (отличающихся от базовых теорий, или, по Р. Мертону, "основных концептуальных схем", меньшим уровнем абстрагированности от реальности, зафиксированной в частных рабочих гипотезах).

Речь идет об исследовании политического поведения (в первую очередь в электоральном плане); социальной политики и управления (с акцентом на управление политико-системными образованиями разных уровней); политического участия (при особом интересе к строительству и функционированию партий); политического сознания и политической культуры (особенно в региональном масштабе); истории политических идей (русская дореволюционная и современная западная политическая мысль)⁸.

Особый интерес отечественная наука проявила к исследованию *публичных политических институтов*. При этом, как и следовало ожидать, первостепенное внимание уделяется *государству*, хотя оно и не всегда выступает в качестве непосредственного объекта исследования. Речь может идти о конституционализме, федерализме, гражданском обществе, демократизации, модернизации, либерализации, других проблемах или блоках проблем. Но так уж при этом получается, что очень часто они рассматриваются сквозь призму государства или в тесной увязке с ним. И не потому, что авторы этих исследований – убежденные этатисты. Дело в другом, а именно, в той ин-

⁸ В подтверждение сказанного приведу только один, но, на мой взгляд, достаточно репрезентативный, пример. Это опубликованная в 2000 г. (под эгидой Московского общественного научного фонда и под ред. А. Воскресенского) Методологическим университетом и Центром конвертируемого образования антология "Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность". Книга, покрывающая предметно-проблемное поле, в пределах которого работали в последние годы и продолжают работать ныне отечественные исследователи политики. В антологии помещены статьи Т. Алексеевой, В. Амелина, Э. Баталова, Г. Батыгина, А. Богатурова, А. Воскресенского, И. Девятко, М. Ильина, Б. Капустина, А. Кара-Мурзы, Н. Косолапова, В. Ледеява, В. Лекторского, Б. Межуева, А. Мельвиля, М. Новиковой-Грунд, А. Панарина, Н. Покровского, Ю. Сидельникова, В. Хороса, В. Цымбурского, Е. Шестопал, В. Ядова.

теграционной и мобилизационной функциях, которые традиционно принадлежали институту государства в российской цивилизации и которые он сохранял за собой даже тогда, когда утрачивал свою силу⁹.

Наметилось продвижение вперед и в области исследования *международных отношений и мировой политики*. Некоторые из направлений в этой сфере достались в наследство от прошлого. Это внешняя политика отдельных стран (прежде всего самой России, США, Китая, стран Европы) и региональные отношения; ограничение и сокращение вооружений; нераспространение ядерного оружия; обеспечение международной безопасности; глобальные проблемы современности (не смешивать с проблемой глобализации) и ряд других. Обозначились и новые направления, среди которых выделяются уже упомянутая глобализация и перспектива эволюции наций-государств в интернационализирующемся мире; становление нового мирового порядка и включенная недавно в повестку дня борьба с международным терроризмом¹⁰.

Обнадешивает тот факт, что в последнее время стали появляться работы, посвященные *теории* международных отношений и мировой политики, в которых изложение и критический анализ сложившихся на Западе (в большинстве своем – в США) теорий и концепций сочетается с попытками самостоятельного осмысления новых международных реалий [Цыганков, 2002; Богатуров, Косолапов, Хрусталева, 2002; Внешняя... 2002].

Никто из отечественных исследователей пока не предложил альтернативных конструкций, способных конкурировать с творениями таких разных по уровню и глубине анализа авторов, как З. Бжезинский, И. Валлерстайн, С. Хантингтон, Г. Моргентау или К. Уолтс. Им пока не хватает, помимо прочего, дерзости, денег и того, что американцы называют "паблисити". Тем не менее отечественная политология в общем и целом развивается по пути укрепления научно-теоретической базы и *интеграции в мировую политологию*, переживающую процесс дальнейшей эволюции.

Эта эволюция определяется двумя взаимосвязанными и взаимодополняющими процессами. Во-первых, протекающей в русле глобализации общественной жизни *интернационализацией политического знания* посредством его *универсализации* – понятийной, предметной, концептуальной и т.п. Как правило, универсальное знание нормируется путем обогащения уникального опыта одних стран за счет столь же уникального опыта других. При этом какая-то страна или группа стран может играть в данном процессе ведущую роль (как это было во второй половине XX в. с США), но со временем неизбежно утрачивает ее, что опять-таки подтверждается опытом Америки¹¹.

Органическим дополнением интернационализации стал процесс *партикуляризации* универсального знания за счет его адаптации к местным условиям и учета национальной (региональной) специфики. Таким образом, тот комплекс знаний, который иногда называют "мировой политической наукой", можно рассматривать в идеале как сложную систему (воплощающую принцип "единство в многообразии" – *unity in diversity*), в

⁹ Примечательно, что если бы мы сравнили коэффициенты исследовательского внимания к различным ветвям власти, то на первом месте скорее всего оказалась бы исполнительная власть, а на последнем – судебная.

¹⁰ На взгляд автора этих строк, "международным терроризмом" за неимением лучшего термина называют принципиально новое явление, которое хотя и включает в себя "измерение", подпадающее под определение "терроризма", однако не сводится к нему. Что это за явление, еще только предстоит выяснить. Но уже сегодня очевидно, что в его появлении повинны не только мусульманский фундаментализм, но и современная западная христианская цивилизация.

¹¹ "... в последние десятилетия идет бурный процесс интернационализации дисциплины (политологии. – Э.Б.). Если вплоть до 70-х годов в мировой политологии доминировали американские специалисты, то сейчас ситуация меняется. Очевидно, что американская политическая наука и по числу ученых, работающих в этой сфере, и по положению в международном сообществе сохраняет свое лидерство, но, в отличие от реальной политики, в политологии, пожалуй, можно говорить о том, что мы уже живем в многополярном мире. Во всяком случае европейский голос уже звучит в научном многоголосии вполне явственно" [Шестопал, 1999, с. 10]. Можно спорить о том, насколько удачной в терминологическом плане является характеристика мировой политологии как "многополярной", но истинность приведенной оценки не вызывает сомнений.

которой каждая национальная политическая наука является органической частью целого и одновременно сохраняет свое неповторимое лицо.

Российская политическая наука – еще одно тому подтверждение. Становясь частью мировой системы научного знания, усваивая элементы "общего достояния", она, как и политические науки других стран, например Франции и Германии, сохраняет национальную специфику, которая не может рассматриваться как свидетельство ее отсталости, недоразвитости и т.п. Ибо эта специфика детерминирована особенностями российской цивилизации, культуры, опыта исторического развития, прежде всего ее пространственной протяженностью, уникальным евроазиатским (евроазиатство – не евразийство) географическим положением, климатическими условиями, полиэтничностью, многоконфессиональностью (при определяющей роли православия) и т.п. Эти черты не надо фетишизировать на манер наших неославянофилов, но не принимать их в расчет при исследовании состояния российской политической науки тоже нельзя.

Одна из специфических черт последней – ее объектная фокусировка. При всем предметном многообразии исследовательского интереса отечественных специалистов в центре их внимания на протяжении 1990-х гг. находился, находится ныне и, думается, будет находиться впредь один и тот же политический объект – Россия.

Это вовсе не значит, что российских политологов не интересуют другие политико-географические объекты. Уже то обстоятельство, что в регионально-страноведческих институтах РАН (США и Канады, востоковедения, Дальнего Востока и др.) ведутся исследования в области политологии, подтверждает этот вывод. Но судьба России волнует наших соотечественников куда больше, нежели настоящее и будущее других стран и регионов мира. Поискам ответов на вопросы "Что будет с Россией и с нами?", "Что делать?", "Куда держим путь?" подчинена значительная часть изысканий российских политологов, представляющих разные поколения. Особое внимание уделяется при этом проблемам демократизации, модернизации, федерализма, конституционализма, логики политического развития, структуры, функций и роли политических институтов, формирования элит, внешнеполитических интересов, роли России в мире¹².

Замечу, что исследовательское внимание наших политологов (включая, между прочим, тех, кто эмигрировал в Америку и Европу) к России органически вписывается в отечественную мыслительную традицию – от инока Филофея до Н. Данилевского, В. Соловьева, Н. Бердяева, П. Струве, И. Ильина, Г. Федотова, А. Солженицына. Мотивы были разными: одни тревожились о том, как бы Россия не утратила своей самобытности и не слилась с Европой, став просто ее частью; других беспокоила цивилизационно-культурная и политико-экономическая отделенность и отдаленность России от Европы. Но во всех случаях людьми двигала тревога за судьбу своей страны и своего народа, нередко сочетавшаяся с мессианской самоуверенностью и глубокой убежденностью в том, что России на роду написано пребывать в этом мире не только в качестве великой державы, но и в роли Мессии, коему суждено спасти мир и человечество.

Специфика объектной фокусировки российской политической науки дополняется ее *предметно-проблемной спецификой*. Уже шла речь о том, какое внимание уделяют наши исследователи *проблеме государства*. И это понятно: в российском обществе, где не только реформы и даже революции (о чем писал в свое время Н. Эйдельман), но и вся общественная жизнь направлялись "сверху", государство было чем-то гораздо большим, чем политический институт европейского, а тем более североамериканского типа. Оно, увы, и сегодня остается таковым со всеми вытекающими отсюда последствиями – политическими и политологическими.

¹² В числе наиболее активных исследователей этой проблематики – людей, выступающих с самых разных, в том числе взаимоисключающих, позиций, – упомянул бы А. Ахиезера, А. Гулыгу, А. Кара-Мурзу, И. Клямкина, В. Лапкина, В. Пантина, И. Пантина, С. Перегудова, Ю. Пивоварова, И. Чубайса. И это – лишь малая часть тех, кто писал и пишет о России.

Отечественных мыслителей всегда интересовали *проблемы политической историософии и геополитики*, что, впрочем, легко объяснимо: последние имеют прямое отношение к вопросу о судьбах России. В этом русле шли в свое время споры между западниками и славянофилами; высказывали свои идеи П. Чаадаев, Ф. Достоевский, Н. Данилевский и В. Соловьев. В этом же русле развивалась (уже в XX в.) евразийская идеология. Сегодня налицо продолжение традиции [Ильин, 1995; Панарин, 1994; Цымбурский, 2000]. Причем надо сразу уточнить, что геополитическая проблематика, разрабатываемая современными российскими политологами, не связана напрямую с геополитическими концепциями, бытующими в России и за рубежом, а тем более – с политическими платформами, хотя в отдельных случаях такая связь налицо.

Современную российскую политологию характеризует также *специфика ее подхода к исследуемым проблемам*. Отечественные ученые, анализирующие "состояние дисциплины", выделяют и, на мой взгляд, вполне обоснованно, *регионализм, компаративизм и междисциплинарность (интердисциплинарность)* [Бляхер, 2001; Ильин, 2001; Сморгун, 1999]. В отличие от русоцентризма это – не уникальные черты: некоторые из них мы обнаруживаем в исследованиях политологов, представляющих разные национальные традиции. Однако в современной российской политологии (лишенной, кстати, методологической доминанты¹³) они присутствуют в комплексе и имеют отчетливо выраженный характер.

В самом деле, многие из рассматриваемых отечественными политологами проблем часто сознательно ограничиваются пределами того или иного региона. Причем такой подход нередко оказывается вынужденным; людям приходится заниматься регионалистикой "из чисто прагматических соображений" [Ильин, 1999, с. 141]. Политологическое постижение России как целостной системы может пролегать именно через сравнительное исследование регионов как ее элементов. Возможно, данный путь мог бы стать оптимальным, если бы эти исследования охватили пусть не все, но хотя бы основные регионы страны, опирались на единую теоретико-методологическую базу и осуществлялись на более или менее регулярной основе.

Тут, впрочем, вырисовываются серьезные проблемы – методологические и организационные: ведь если Россия – не сумма, а, как сказано, система регионов, то встают вопросы о способах и методах восхождения от частного к общему, равно как и о сравнении и интеграции полученного знания. Однако это разрешимая проблема, которая не может ни откладываться в долгий ящик, ни форсироваться искусственным образом.

Возвращаясь к высказанному ранее суждению о двойственном состоянии современной отечественной политической науки (и политологии в целом), еще раз отмечу, что ее развитие на протяжении 1990-х — начала 2000-х гг. характеризовалось в целом положительной динамикой: "стакан" постепенно наполнялся. Как пойдет дело дальше, будет зависеть от ряда обстоятельств.

Во-первых, от того, насколько успешно отечественная наука будет освобождаться от присущих ей недостатков и решать стоящие перед ней задачи. Первой из этих задач я бы назвал *выравнивание* (от центра – к периферии) и *общее повышение уровня политологического образования в стране*. Через десятилетие во многом от этого будет зависеть общее состояние и качество российской политологии, включая политическую науку.

В том же ряду стоит и задача *уменьшения разрыва между научно-исследовательскими возможностями Москвы, Санкт-Петербурга (еще двух-трех городов), с одной стороны, и периферийных политологических центров – с другой*. Задача далеко не простая, если принять во внимание, что состояние науки в регионах, как правило, от-

¹³ После того как бихевиорализм (не тождественный бихевиоризму) творчески исчерпал себя, такой доминанты нет ни в США, ни в Европе. Западная политология сегодня – это, как представляется, царство методологического плюрализма и порождаемого им эклектизма – как сознательно продуцируемого, так и стихийного. В отечественном общественном знании стихийный эклектизм царствует уже на протяжении многих десятилетий, ибо даже в советское время лишь очень немногие исследователи твердо следовали принципам методологии марксистского анализа.

ражает общее их состояние. Но ждать, пока изменится это "общее состояние", полагаясь всецело или главным образом на государство, – значит обрекать наше обществознание, включая политическую науку, на недопустимо медленное развитие.

Многое будет зависеть и от дальнейшего *роста профессионального самосознания* представителей отечественной политической науки и *консолидации российского политологического сообщества*. А это, в свою очередь, потребует более четкого *самоопределения политической науки и вычленения ее из политологического конгломерата*.

Во-вторых, многое зависит от того, как пойдет *дальнейшая интеграция* отечественной политической науки в *мировую политическую науку*. И дело тут не только в необходимости продолжения нашего "самообучения", хотя оно, как представляется, далеко еще не завершено. Было бы желательно наладить на постоянной основе *творческую кооперацию* с зарубежными исследователями – американскими, европейскими, японскими, индийскими и др. Имеется в виду осуществление крупных интернациональных проектов, в которых могли бы принять участие (на равных) политологи разных стран. Конечно, для этого "заграницу" следовало бы чем-то заинтересовать. И, думаю, мы в состоянии это сделать, обратив внимание западных исследователей на объект, который в силу ряда обстоятельств не находился в поле их исследовательского интереса, но изучение которого могло бы стать в перспективе одной из точек роста мировой политической науки. Этот объект – новая Россия и страны СНГ.

Уместно в данной связи напомнить, что в свое время заокеанская политическая наука добилась значительных (а в ряде направлений и выдающихся) успехов, исследуя политическую жизнь *американского общества* XIX и особенно XX вв. Из анализа и обобщения национального опыта выросли работы А. Бентли, Дж. Дьюи, Ч. Мерриам, С. Липсета, Д. Трумена и множества других исследователей, без которых невозможно представить себе мировую политическую науку.

После Второй мировой войны американцы в кооперации с зарубежными коллегами развернули исследования политических процессов, протекавших за пределами США: в так называемых западных демократиях и в "третьем мире". Итогом этих усилий стал ряд крупных работ, признаваемых ныне классическими или близкими к ним. Достаточно назвать "Гражданскую культуру" Алмонда и Вербы, подзаголовок которой говорит сам за себя: "Политические установки и демократия в пяти странах" [Almond, Verba, 1963], или "Демократия в многосоставных обществах" А. Лейпхарта, которую сам автор характеризует в подзаголовке как сравнительное исследование [Lijphart, 1997].

Дальнейшее развитие нынешней России может пойти в разных направлениях, однако независимо от этого разворачивающиеся в ней и других странах СНГ социо-политико-культурные процессы могут иметь огромное значение не только для политических судеб мира. Их исследование способно выявить много нового и обогатить политическую науку такой теоретико-концептуальной информацией, которую невозможно получить, исследуя политическую жизнь исключительно Европы или Америки. Это относится в первую очередь к процессам: *национально-государственной, этнической и культурной интеграции* (затрагивающим отношения христианских и мусульманских общностей); *взаимодействия между Европой и Азией*; *формирования новой политической культуры*; *демократического транзита*; *партийно-государственного строительства*; *отношений между государством и гражданским обществом* и т.д. Причем исследования в данных направлениях могли бы осуществляться в рамках сравнительного анализа и на основе интердисциплинарного подхода, о перспективности которых не раз говорили отечественные обществоведы.

Продолжая восхождение к мировым вершинам, российская политическая наука постепенно изживает такие черты, как непрофессионализм, кустарщина, провинциализм. И хотелось бы надеяться, что движение в этом направлении продолжится. Но перестанет ли она хотя бы в малой части быть *искусством – искусством познания*? Вопрос, думается, риторический. Наука о политике – это в конечном счете не только наука об обществе, но и наука о человеке [Баталов, 2000].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т.Л.* Современные политические теории. М., 2001.
- Баталов Э.Я.* Политическое – “слишком человеческое”. М., 2000.
- Бляхер Л.Е.* Парадоксы региональной политологии // *Полис*. 2001. № 6.
- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002.
- Бурлацкий Ф., Галкин А.* Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма. М., 1985.
- Бурлацкий Ф., Галкин А.* Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
- Бюллетень Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР. 1989. № 2.
- Внешняя политика и безопасность современной России: 1991–2002. М., 2002.
- Грацианский П.С.* Политическая наука во Франции. Критические очерки. М., 1975.
- Дегтярев А.А.* Основы политической теории. М., 1998.
- Дегтярев А.А.* Предмет и структура политической науки // *Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность*. М., 2000.
- Ильин М.В.* Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // *Полис*. 1999. № 6.
- Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии. М., 1995.
- Ильин М.В.* Сравнительная политология: научная компаративистика в системе научного знания // *Полис*. 2001. № 4.
- Категории политической науки. Учебник. М., 2002.
- Панарин А.С.* Россия в Евразии; геополитические вызовы и цивилизационные ответы // *Вопросы философии*. 1994. № 12.
- Сморгунов Л.В.* Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии. СПб., 1999.
- Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. М., 1982.
- Современное политическое сознание в США. М., 1980.
- Соловьев А.И.* Мозаичная парадигматика российской политологии // *Полис*. 1998. № 4.
- Учебники по политологии: новые времена – старые недуги // *Полис*. 1999. № 2.
- Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М., 2002.
- Цымбурский В.Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000.
- Шестопал Е.* Мировая политология в российском контексте // *Политическая наука: новые направления*. М., 1999.
- Almond G.* Chicago Days // *Almond G.* Discipline Divided. Schools and Sects in Political Science. London–New Delhi, 1990.
- Almond G., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.
- Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 1.
- Lijphart A.* Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration. New Haven–London, 1997.